

АКТУАЛЬНОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНЕТИКИ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

П. В. ЖЕЛТОВ,

кандидат филологических наук, доцент кафедры компьютерных технологий
ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова»
(г. Чебоксары, РФ)

Исторически сложилось, что с IX по XX в. н. э. Урало-Поволжье (Среднее Поволжье, Волго-Камье и Приуралье) являлось регионом, в котором происходило активное культурное и этническое взаимодействие между тюркскими и финно-угорскими народами.

В результате этнического и культурного взаимодействия между чувашами и марийцами образовалась этническая группа марийцев *чувла* (от мар. *чувашила* ~ чув. *чăвашила* в значении 'на чувашский лад') – часть моркинских марийцев, женщины которой, как и чувашки, носили *сурбан* (мар. *шарпан* ← чув. *сорпан* из перс. *sarband* < перс. *sar* ~ *sār* 'голова' и *band* ~ *bānd* 'повязка') [3].

Сильнейшее этническое и культурное взаимодействие между булгаро-чувашами (на присутствие собственно болгарского компонента указывают обнаруженные в бассейне р. Чепцы у сел Гордино и Карино болгарские арабографические памятники, а на присутствие чувашей – писцовые книги XVI–XVII вв.), удмуртами и чепецкими татарами привело к появлению удмуртской народности *бесермяне* (удм., бесерм. *бесерман* 'бесермянин'), в культуре которых наряду с булгаро-чувашскими (например, бесерм. *акашка* 'пир по случаю сева' ~ чув. *ака яшки* 'праздество по случаю окончания весеннего сева', букв. 'суп сева, пашни' из чув. *ака* 'пахота', 'пашня', 'сев' и *яшка* 'суп') присутствуют и мусульманские элементы; «каждый из них знает, что его предки были татарами» [5].

Во времена Золотой Орды в пределах Темниковско-Наровчатовского княжества на землях финно-угорского племени *мещеры* сформировалась так называемая

мещерско-татарская (мишарско-татарская) народность, которая расселилась впоследствии по всему Среднему Поволжью и Приуралью (ее представители после взятия Казани и присоединения Казанского ханства к Русскому государству массово состояли на службе у русского царя и именовались служилыми татарами) и вступала в активные культурные, экономические и этнические взаимодействия с другими народами Урало-Поволжья (чувашами, марийцами, удмуртами, казанскими татарами, башкирами).

Результатом этнического и культурного взаимодействия мордвы и татар в правобережных районах Татарстана явилась этническая группа *мордвы-каратаев*, говорящих на татарском языке, – говор мордвы-каратаев относится к мишарско-татарскому (западно-му) диалекту татарского языка.

Не менее интенсивными были этнические и культурные взаимодействия между тюркскими народами, в частности между чувашами и татарами. В процессе их христианизации русскими в XVII–XVIII вв. в правобережных районах Татарстана сложилась особая татарская народность *кряшены* (крещеные татары), одежда которых является чувашской (сами они ее называют *чуваши киеме* 'чувашская одежда'), как и ряд некоторых других элементов культуры (например, блюда национальной кухни *чыгыт* 'сырок' ← чув. *чăкăт* (*чыгыт*) 'сырок', *шырдан* (*шырдан*) 'рубец, начиненный рубленым мясом' ← чув. *шăртан*, *шăрттан* 'рубец, начиненный рубленым мясом').

В результате ассимиляции чувашей башкирами до XIV в. возникло крупное башкирское племенное подразделение *сыуаш* (башкирский язык не имеет аффрикаты *ч*, которая

присутствует только в новых заимствованиях, а тюркскому и даже русскому *ч-* в собственно башкирских словах и старых заимствованиях из русского языка в башкирском регулярно соответствует *с-* [2], и чув. *чъваш* ‘чуваш’, ‘чуваши’ по-башкирски передается как *сыуаш* (*сы ʷаш*) – так башкиры называют чувашей и в настоящее время), являющееся одним из нациообразующих.

Ассимиляция ногайцев казанскими татарами в XV–XVIII вв. привела к появлению таких этнических групп татар, как *нугай* (*нугай*) – различные группы казанских татар, у которых этот этноним выступал в качестве самоназвания, и *кундровские татары* (*кõнды ʳау*) – ногайцы, переселившиеся в Оренбуржье и полностью перенявшие казанско-татарские язык и культуру.

Вследствие отатаривания башкирского племени *уран* сложилась этническая группа татар *урановцы*, и вообще в силу особой близости татарского и башкирского языков, общей религии (мусульманство), смешанного проживания этих народов на территории Башкирии и западное этническое и культурное взаимодействие между этими народами представляет собой активный процесс на протяжении всей истории их совместного существования на данной территории.

Так как башкиры в царское время были в отношении налогообложения наиболее привилегированными из инородцев Башкирии и иногда вообще освобождались от прямых налогов, то проживавшие на этой территории татары, относившиеся в основном к сословию тептярей (т. е. припущенников на башкирские земли), нередко записывались башкирами.

В то же время часть башкир, территория проживания которых была включена в состав Татарской АССР (восточные районы), стала именоваться татарами и вошла в состав татарского народа.

Отдельной и особой темой является культурное и этническое взаимодействие народов Урало-Поволжья с русскими, которое можно разделить на несколько периодов.

В древний период, началом которого можно считать образование Киевской Руси и расширение русских земель на восток (IX–X вв.), влияние русской культуры распро-

странялось в основном на финно-угорские народы, проживавшие в западной части Среднего Поволжья, – мерю, мещеру, мурому, мордву и отчасти марийцев. В результате часть из этих народов была полностью или частично ассимилирована русскими.

Влияние русской культуры на тюркские народы региона, представленные в тот период булгарами (древние башкиры находились несколько в стороне, а о других тюркских народах, проживавших в этот период в регионе, ничего неизвестно), было весьма ограниченным и осуществлялось в основном через торговлю и военные контакты.

Второй – золотоордынский – период начинается с завоевания Урало-Поволжья ордынцами в первой половине XIII в., когда эта территория была включена в состав так называемой Золотой Орды, или улуса Джучи, – феодального государства, входящего в империю Чингисидов. Волжская Болгария перестала существовать как государство, была опустошена и разорена ордынскими захватчиками, и произошел отток уцелевшего местного населения на север и запад в труднодоступные лесные районы.

В рассматриваемый период перестают действовать налаженные между русскими и булгарами торговые пути, контакты между ними ослабевают.

Третий период начинается с образованием Казанского ханства в 1438 г. На территорию ханства насильственно было переселено большое количество русских (так называемые полоняники, т. е. взятые в полон/плен, пленники), которые частью были обращены татарскими феодалами в прямое рабство (обслуживали татарских феодалов, военных и служащих людей), а частью оставлены на поселение среди местных народов и жили в деревнях. Этот период этнического и культурного взаимодействия русских с народами Среднего Поволжья изучен слабо.

С падением Казанского ханства в 1552 г. начинается четвертый период, когда после вхождения Среднего Поволжья, а затем Урала и Западной Сибири в состав Русского государства русская культура все активнее влияет на культуру народов Урало-Поволжья, а русские переселенцы на новые земли становятся все более и более многочисленными.

Так как процессы этнического и культурного взаимодействия всегда сопровождаются языковыми, актуальным представляется исследование исторического развития языков народов Урало-Поволжья на предмет выявления взаимовлияний на всех уровнях: фонетики, лексики, морфемики, морфологии, синтаксиса, семантики, а также на предмет выявления в том или ином языке возможных субстратных влияний.

Поскольку субстратные влияния в первую очередь изменяют фонетику (в речи носителей языка этноса, ассимилировавшего субстрат, возникает акцент), наиболее актуальным является сравнительное исследование фонетики языков региона (с учетом диалектов) с привлечением инструментальных средств и методов.

Несмотря на значительное количество исследований по фонетике разных языков Урало-Поволжья, в том числе сравнительных с родственными языками и сопоставительных с фонетикой русского и европейских языков, до сих пор нет ни одного комплексного сравнительно-исторического исследования, содержащего анализ звукового строя и фонем всех языков Урало-Поволжья и их диалектов в синхронии и диахронии с учетом сравнительного и сопоставительного аспектов, типологии и ареальных явлений. По данной тематике имеются лишь разрозненные, хотя и достаточно многочисленные исследования, охватывающие два или, в лучшем случае, три языка.

То же относится и к лексике языков Урало-Поволжья, пусть и не в такой степени.

Фонетические исследования основываются на анализе произнесения тех или иных слов языка, как изолированно, так и в речевом потоке. Поэтому при сравнении звукового строя языков географического ареала, контактирующих друг с другом на протяжении определенного времени, большое значение имеет сравнительное исследование характеристик фонем так называемых общих слов, или лексических изоглосс, в том случае, если они содержат изофоны – звуки речи одного и того же или близкого качества, которые могут несколько различаться артикуляционно.

Лексические изоглоссы, которые, как правило, обозначают культурные и религиозные

понятия, а также предметы материальной и духовной культуры, могут распространяться из одного языка в другой на значительной по географии области и в течение длительного хронологического интервала.

Артикуляционные различия в изофонах изоглосс, как и фонетические трансформации в изоглоссах, позволяют обнаружить субстратные явления и крайне важны. Лингвистика, как и любая наука, в своем развитии стремится к точности своих выводов, что возможно только при точности исследований и полученных в ходе их результатов. Последняя может быть достигнута путем совершенствования средств и методов исследования. Все это в наибольшей степени и в первую очередь относится к такому разделу лингвистики, как фонетика.

Высказывания некоторых лингвистов о неважности учета артикуляционных различий в произнесении или физических различий, установленных в ходе инструментальных исследований того или иного изофона (звука, фонемы) в сравнительных исследованиях в связи якобы с тем, что для человеческого слуха такие нюансы несущественны, следует признать не только необоснованными, но и ненаучными.

Ребенка в естественных условиях никто не обучает артикуляции тех или иных звуков родного языка (т. е. языка, на котором говорят окружающие его люди), между тем он прекрасно ее воспроизводит. Данный процесс до сих пор не раскрыт до конца учеными, однако именно эта точность в восприятии позволяет сохраниться артикуляционным особенностям произношения, исторически характерного для некоторых звуков тех или иных языков и языковых семей (ср., например, сходство артикуляции в произнесении звука [a] в некоторых современных тюркских языках, хронологически разделившихся в очень далеком прошлом и с тех пор не имевших массовых контактов, – в туркменском и якутском или чувашском и якутском).

В то же время другие фонемы, например ξ , в указанной языковой семье имеют значительные расхождения по языкам, варьируя от аллофона [j] в алтайском языке (когда кончик языка касается альвеол) до аллофона [ʃ] в чувашском языке (когда он касается верх-

них передних зубов), которые в синхронии можно и нужно считать различными фонемами, а в диахронии – аллофонами одной фонемы.

В урало-поволжскую зону языкового взаимодействия в настоящее время входят такие распространенные и ныне в Урало-Поволжье языки, как марийский, мордовские (эрзянский и мокшанский), чувашский, татарский (с двумя основными диалектами, распространенными в регионе, – мишарско-татарским, или западным, и казанско-татарским, или средним), башкирский и удмуртский, ареалы распространения которых пересекаются. При историческом же рассмотрении в указанную зону в разное время входили, но в разной степени участвовали в межязыковом взаимодействии: болгарский язык (непосредственный предок чувашского языка, существовавший с ним некоторое время синхронно в рамках болгаро-чувашской языковой общности); угорские языки – венгерский и предшественники современных обско-угорских языков (хантыйского и мансийского); кыпчакские языки – ногайский, золотоордынско-татарский и некоторые кыпчакские племенные языки древнеказахских и

древнекаракалпакских (черные клобуки) племен, а также половецкий (куманский) язык.

Все перечисленные языки должны также приниматься во внимание при сравнительных исследованиях фонетики современных языков Урало-Поволжья.

Инструментальные средства позволяют уточнить многие важные нюансы, которые не учитываются в классических компаративистских исследованиях.

Таким образом, актуальным является комплексное сравнительно-историческое исследование фонетики языков Урало-Поволжья в ареальном аспекте с привлечением инструментальных методов. Основы таких исследований были заложены У. Ш. Байчурой [1], продолжившим исследования одного из ярких представителей Казанской лингвистической школы В. А. Богородицкого. Для этого существуют все необходимые предпосылки: исследованность фонетики отдельных языков Урало-Поволжья инструментальными методами [1], богатый арсенал современных компьютерных средств, исследованность диалектов языков Урало-Поволжья, большое количество сравнительно-исторических исследований по языкам региона [2; 4; 6; 7].

Поступила 13.11.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Байчюра, У. Ш.* Звуковой строй татарского языка / У. Ш. Байчюра. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1961. – Ч. 2. – 392 с.
2. *Гарипов, Т. М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики / Т. М. Гарипов. – М. : Наука, 1979. – 303 с.
3. *Грузов, Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении / Л. П. Грузов. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1965. – 244 с.
4. *Современный марийский язык.* Ч. 1. Фонетика. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во. – 1960. – 162 с.
5. *Тепляшина, Т. И.* Язык бесермян / Т. И. Тепляшина. – М. : Наука, 1970. – 288 с.
6. *Щербак, А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков / А. М. Щербак. – Л. : Наука, 1970. – 204 с.
7. *Radloff, W. W.* (Радлов В. В.). Phonetik der nördlichen Türkisprachen / W. W. Radloff. – Leipzig : T. O. Weigel, 1882. – XLV. – 320 S.
1. *Baychura, U.* (1961) Sound system of the Tatar language, Part 2, Kazan: Kazan State University Press.
2. *Garipov, T.* (1979) Kipchak languages of Ural-Volga region. The experience of synchronic and diachronic characteristics, Moscow: Nauka.
3. *Gruzov, L.* (1965) Phonetics of the Mari language dialects in historical perspective, Yoshkar-Ola: Mari Press.
4. *Modern Mari.* Part 1. Phonetics (1960) Yoshkar-Ola: Mari Press.
5. *Teplyashina, T.* (1970) The language of Besermyan, Moscow: Nauka.
6. *Shcherbak, A.* (1970) Comparative phonetics of the Turkic languages, Leningrad: Nauka.
7. *Radloff, W.* (1882) Phonetik der nördlichen Türkisprachen, XLV, Leipzig: T. O. Weigel.